

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ (XVI—XVIII вв.)

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН

Русская гуманитарная наука внесла большой вклад в изучение истории и культуры многих народов, в том числе и армянского народа. Чем дальше углубляются исследователи, тем больше выявляются новые данные, свидетельствующие о том, что истоки интереса к истории и культуре армянского народа уходят в глубокие пласты русской гуманитарной мысли. В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с зарождением и развитием интереса русской гуманитарной мысли, а в дальнейшем гуманитарной науки, к армянскому языку. Выявленные нами материалы свидетельствуют о довольно раннем проявлении подобного интереса.

Для русской гуманитарной науки характерно то обстоятельство, что ее интерес к другим языкам, и в частности к армянскому языку, с самого начала имел два параллельных аспекта: научный интерес, связанный с развитием языкознания в России, и практический интерес, связанный с необходимостью политического, экономического и культурного общения с другими народами. Эти два аспекта были тесно связаны друг с другом. Накапливающиеся в русском языкознании данные служили и практическим задачам общения с иностранцами, а с другой стороны — данные о других языках, собираемые дипломатами, путешественниками и купцами, ездившими в зарубежные страны, в свою очередь способствовали развитию языкознания.

Интерес к армянскому языку в России, в том и в другом аспекте, мы встречаем уже в XVI в. Русский «Хронограф редакции 1512 года», перечисляя «языщи мнози», упоминает среди них и армянский язык¹.

В России, уже в XIII—XV вв., стали составлять словари — «Азбуковники». Это были словари смешанного типа, и языковые, и энциклопедические, целью которых было дать читателю сведения об интересных явлениях, помочь понять смысл сложных русских слов, а также разъяснить смысл многих иностранных слов, географических названий и личных имен, встречавшихся в русской литературе.

В армянской научной литературе до сих пор не было обращено внимания на то обстоятельство, что уже в подобных русских словарях и аз-

¹ «Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою Археологическою комиссиею» (далее — ПСРЛ), т. 22, ч. I, СПб., 1914, стр. 245; Подобное же упоминание встречаем в «Хронографе Западно-русской редакции» (ПСРЛ, т. 22, ч. 2, СПб., 1914, стр. 62).

буковниках XVI в. встречаются интересные обращения и к армянскому языку, армянским географическим названиям и именам.

В словаре XVI в., именуемом «Лексикон славянорусский, составленный Всечестным отцом Кир Памвою Берындюю», встречаются слова — «Арарат» и «Армения». При этом дается интересное символическое отождествление понятий Армения и Арарат. Под словом «Армения» читаем: «Армения, тож, что и Арарат»².

Подобная формулировка вовсе не является результатом незнания или недоразумения. Изучение русских летописей показывает, что в России, задолго до составления этого словаря, имели четкое и раздельное представление как о «горах Араратских», так и о «Армении Великой и Малой»³. Тем интереснее в данном случае символическое отождествление этих двух понятий автором словаря.

О том, что это не результат ошибки, свидетельствует и то, что в другом словаре — тоже XVI в. — «Азбуковник и сказание о неудобь понимаемых речах...»⁴ мы также встречаем упоминание о горе Арарат, о которой в данном случае написано: «Арарат, гора в странах Арменских»⁵. Примечательно и то, что в этом словаре приводится слово «бог» — в переводе всего на 6 языков, из которых один — армянский. В словаре читаем: «Орства — по армянски». Армянское слово «аствац» в результате искажения приняло форму «орства». В этих словарях имеются и другие неточности и искажения в написании иностранных слов, допущенные, видимо, переписчиками. Здесь, однако, важно то, что в число очень ограниченного количества языков, на который переводится слово «бог», включен и армянский.

Во «Втором Велико-Русском словаре», известном под разными названиями⁶, списки которого относятся к XVII в., также имеются обращения к армянскому языку, о чем свидетельствует уже вступление к словарю, в котором читаем: «Ведомо буди, еже что ради каяждо речь в семь буквице имать над собою красную букву, внимай: аще над коею речью азъ красен, то есть сице: Арабски, Арменски, Еллински, Ефюпски...»⁷ и т. д.

² «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», книга 5-ая, СПб., 1849, стр. 15.

³ «Повесть временных лет» (ПСРЛ, т. 1, вып. 1, Л., 1926, стб. 3); «Ипатьевская летопись» (ПСРЛ, т. 2, вып. 1, Петроград, 1923, стб. 3); «Софийская первая летопись» (ПСРЛ, т. 5, стр. 181) и многие другие.

⁴ «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», кн. 5 (И. Сахаров указывает, что «Азбуковник» имеет еще ряд заглавий: «Сказание неудобь познаваемым речем, иже обретаются во святых книгах Русскаго языка, их же древняя преводницы неудоволишася на Русский язык преложити» или «Книга, глаголемая Алфавит, содержащая в себе толкование иностранных речей, иже обретаются во святых книгах не преложены на Русский язык»).

⁵ Там же, стр. 144.

⁶ «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», т. 2, кн. 5-ая. (Сахаров дает еще следующие названия: 1. «Книга, глаголемая Азбуковник или буквы»; 2. «Книга, глаголемая Алфавит»; 3. «Лексис неудобь разумеваемым речем»).

⁷ Там же, стр. XII.

В «Проскинчтарии» Суханова, в котором описывается его путешествие, содержится много ценных сведений об Армении, о положении армянского народа, о русско-армянских церковных отношениях. Наблюдая жизнь армян в Западной Армении и отмечая тяжесть турецкого гнета, Суханов заметил и отметил, что и в этих условиях армяне сохраняют свою письменность и свой язык. Он пишет: «...тут живут все армяне, встретили всем градом своих армян поклонников. Тут два села великия, живут христиане армяне, а не греческого закона, чтут книги армянские, ... а книги у них все на армянском языке»¹¹.

В первой четверти XVIII в., в петровский период, в России еще более увеличивается интерес к Востоку, восточным языкам и, в частности, к армянскому языку. С точки зрения знания армянского языка в России и интереса к нему весьма примечательна история открытия армянских надписей в городе Булгар. В начале XVIII в., в районе Казани, недалеко от Волги, были обнаружены развалины этого города—одного из крупных центров Волжско-Булгарского царства. В общем комплексе памятников здесь были обнаружены и эпитафии на армянском языке—надгробные камни с армянскими надписями. История этого открытия связана с тем, что в 1712 г. было решено на месте развалин городища Булгар построить монастырь. В связи с этим возникла необходимость отмежевать земли. С этой целью был направлен туда дьяк Казанской губернаторской канцелярии Андрей Михайлов, которому было поручено не только составить «Владенную выпись» для монастыря, но и дать подробное описание строений и памятников, сохранившихся здесь. Так возник интересный документ—«Выпись с межевых книг, письма и меры дьяка Андрея Михайлова, на землю новостроящегося Болгарского Успенского монастыря 1712 года»¹². В этой выписи, в числе прочих описаний, читаем: «Да за валом к Волге реке полата четвероугольная без сводов, мерою длины пять сажень с аршином, поперег полчетверы сажени, вышины сажень: вход в тое полату в одни двери,—знатно, что та полата была напред сего церковию; потому что около ея многие есть кладбищные каменья с подписями, а подписи походили на армянския письма. От той полаты столп небольшой в знак часовни, вышины полторы сажени, кругом три сажени»¹³.

Как видим, дьяк Михайлов в составленном в 1712 г. документе писал, что найденные здесь «подписи походили на армянския письма». Это означает, что дьяк Михайлов знал армянские письмена, если он смог

¹¹ «Сказания русского народа, собранныя И. Сахаровым», т. 2, кн. 8-ая, стр. 216 («Путешествие по святым местам Арсения Суханова, в 1651 году»).

¹² Эта «выпись» была обнаружена и опубликована в 1871 г. русским историком К. И. Невоструевым, «О городищах Волжско-Булгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской» («Труды Первого Археологического съезда в Москве 1869», под ред. гр. А. Г. Уварова, т. II, М., 1871).

¹³ Там же, стр. 538.

отличить их даже на стершихся на протяжении веков могильных плитах, что бывает иногда трудно даже для специалистов.

Утверждая, что это «армянские письма», дьяк Михайлов на этом основании выдвинул и другое, важное положение, заключающееся в том, что часть имеющихся здесь памятников, и в частности так называемая «греческая палата», на самом деле является армянской церковью. И хотя в дальнейшем также были споры о принадлежности этого памятника, исследования русских ученых окончательно и полностью подтвердили справедливость первоначального утверждения дьяка Андрея Михайлова¹⁴, имя которого, на наш взгляд, должно занять свое достойное место в истории изучения армянской культуры в России.

Дальнейшая судьба этих надписей, многократное обращение к ним русских ученых и научная их обработка являются свидетельством интереса к армянскому языку в России XVIII в.

Большой интерес к этим надписям проявил Петр I, который в 1722 г. посетил этот комплекс и дал указание астраханскому губернатору о принятии мер для сохранения как комплекса в целом, так и армянских надписей, имеющихся в нем¹⁵. Эти надписи были переведены для Петра I на русский язык армянином Иваном Васильевым¹⁶. Петр I «находящиеся по некоторым местам надгробные и другие надписи на армянском и арапском языках с точностью велел описать, а списки перевести на российский язык и отослать в Петербургский свой кабинет»¹⁷. В. Н. Татищев свидетельствует, что эти надписи в дальнейшем хранились в Академии наук¹⁸.

В течение всего XVIII в. многие русские историки и исследователи занимались этими армянскими надписями. О них писали Ф. И. Софмонов, В. Н. Татищев, П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер, Н. Озерецковский, М. Д. Чулков, И. И. Голиков, Н. М. Карамзин и многие другие. Большую ценность представляет публикация некоторых из этих надписей на русском языке, осуществленная академиком Иваном Лепехиным¹⁹.

¹⁴ А. П. Смирнов, Волжские булгары, М., 1951, стр. 185—195 и др.

¹⁵ Ф. И. Софмонов, «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого, трудами тайного советника, губернатора Сибири и ордена святого Александра Кавалера, Феодора Ивановича Софмонова, выбранное из журнала его превосходительства, в бытность его службы морским офицером» («Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1763, март, стр. 198).

¹⁶ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. 3, СПб., 1816, стр. 523.

¹⁷ Яков фон-Штелин, Подлинные анекдоты Петра Великого..., М., 1786, стр. 172—173.

¹⁸ В. Н. Татищев, История Российская..., кн. 2, М., 1773, стр. 403—404, прим. 173.

¹⁹ И. Лепехин, Дневные записки путешествия доктора и академика наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году, СПб., 1771, стр. 271—272.

Значительный вклад в дело изучения армянского языка в России внес выдающийся русский ученый и государственный деятель XVIII в. В. Н. Татищев. Татищев был ученым-энциклопедистом, сыгравшим огромную роль в развитии целого ряда наук в России, и прежде всего исторической науки. Ценный вклад внес Татищев и в развитие языкознания в России, в частности, в дело изучения нерусских языков. Будучи и ученым, и государственным деятелем, Татищев проявлял к языкам, в том числе к армянскому языку, и теоретический, и практический интерес. Выступая за чистоту русского языка, против излишнего применения в русском языке чужих слов, Татищев вместе с тем ставил вопрос о необходимости изучения иностранных языков, как в интересах развития русской науки, использования иностранных источников, так и в практических целях общения с другими народами. В «Разговоре о пользе наук и училищ» Татищев, ставя вопрос «которые науки полезны», перечисляет ряд наук и пишет: «Инородные языки, дабы мы других не токмо сообщных с нами подданством внутрь России, но и пограничных или имеющих с нами торги и войны народов разуметь и им наше мнение объявить могли»²⁰.

Особое значение придавал Татищев изучению восточных языков в России. Интерес Татищева к армянскому языку прослеживается как в его трудах — «Истории Российской»²¹, «Лексиконе»²², так и в архивных материалах, связанных с его деятельностью²³.

Создание письменности и изобретение алфавитов Татищев считал одним из переломных и величайших событий в истории человечества. Говоря о возникновении алфавитов и об алфавитах Азии, Татищев отмечал и армянский алфавит. Он писал: «Еще же в Азии находятся особливые письмена, яко: коптическая, малябарская, брахманская, тангутская, мунгалская или калмыцкая, георгианская или грузинская, армянская и пр.»²⁴.

Татищев придавал большое значение иностранным, особенно восточным источникам, и в том числе армянским, для изучения истории России. Когда в 1748 г. Академия наук опубликовала объявление о приглашении в Академию переводчиков для перевода книг с иностранных языков, Татищев, откликнувшись на это объявление, в своем письме в Академию писал: «сия ревность и тщание Академии не может иначе почесться, как за самое дело хвалы и благодарения достойное, но притом

²⁰ «В. Н. Татищева разговор о пользе наук и училищ. С. предисловием и указателями Нила Попова», М., 1887, стр. 80.

²¹ В. Н. Татищев, История Российская, том первый, М.—Л., 1962, том второй, М.—Л., 1963, том третий, М.—Л., 1964, том четвертый, М.—Л., 1964, том пятый, М.—Л., 1965, том шестой, М.—Л., 1966, том седьмой, Л., 1968.

²² «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором. Васильем Никитичем Татищевым», ч. I—III, 1793.

²³ В Ленинградском отделении архива Академии наук СССР (далее—ЛОААН) нами изучены фонд № 95 (опись 5), фонд № 1 (опись 3) и другие фонды, содержащие отдельные материалы, свидетельствующие об интересе Татищева к армянскому языку.

²⁴ «В. Н. Татищева разговор о пользе наук и училищ», стр. 87.

я мню, что оное объявление весьма кратко и ни в чем недостаточно, которое не соизволено ль будет в разсуждение принять»²⁵.

Предлагая для улучшения дела переводов приступить к созданию словарей, Татищев вместе с тем предлагает увеличить количество языков, с которых следует делать переводы, и в этой связи пишет: «Между нужными языки нужнейшие нам греческой и татарской не упомянуты (я в татарском разумею калмыцкой, персидской, и турецкой), а чаю, непротивно китайской, индейской, армянской и грузинской упомянуть, либо нечаянно кто к тому охоту возымеет»²⁶. Следовательно, Татищев ставил вопрос о необходимости перевода на русский язык и армянских источников.

Некоторые выявленные до Татищева фактические материалы и данные, относящиеся к армянскому языку, Татищев рассматривает вновь и делает на их основе важные для науки обобщения. Так, например, комментируя материал, связанный с историей волжских болгар, Татищев пишет: «Между ими же, чаятельно, были немало и армян; ибо в развалинах Богарда сысканы камни гробовые, подпись армянскую от Христа 557, 884, 886 имеющие, которые хранятся в Императорской Академии»²⁷. Как видим, Татищев не только приводит факт находки армянских надписей в г. Булгар, но и на этом основании делает вывод о том, что их наличие не результат случайности, а свидетельствует о том, что в этом городе «чаятельно были не мало и армян».

При внимательном изучении наследия Татищева и, в частности, при сверке разных редакций его «Истории Российской» можно установить интересные детали процесса работы над материалами по армянскому языку, свидетельствующие о том, что Татищев возвращался к этим материалам, проверял и перепроверял их, вводил необходимые коррективы. Например, в первой редакции Татищев утверждает, что «сарматы и армяне «дву согласных споряд не выговаривают»²⁸, но в том же разделе второй редакции армянского примера уже нет. Следовательно, Татищев, в ходе работы уточнил этот вопрос и изъял это утверждение из второй редакции, так как относительно армянского языка оно неверно.

Интересные данные об Армении содержатся также в известном «Лексиконе» Татищева. Обращает на себя внимание, что в помещенной здесь статье «Арагат» Татищев, хорошо знавший немецкий язык, полемизирует с Лютером по поводу толкования смысла названия «Арагат» в связи с лютеровским переводом Библии на немецкий язык. «В

²⁵ ЛОААН. ф. 1, оп. 3, ед. хр. 37 (входящие письма 1748 по 1749 гг.), л. 17 об. (копия). Это письмо опубликовано А. И. Андреевым в его статье «Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 г.» («Исторический архив», М.—Л., 1951).

²⁶ Там же, л. 17 об.—18.

²⁷ В. Н. Татищев, История Российская, т. 2 (часть вторая), стр. 230, прим. 173.

²⁸ Там же, т. 4, ч. 2-ая (первая редакция), стр. 67.

Библии же переведено Лютером, проклята, или дрожащая, но оба сии не пристойны», — пишет Татищев²⁹.

Известно, что Татищев намеревался составить также языковые переводные словари — «дикционеры». Об этой его работе имеются упоминания как в литературе³⁰, так и в архивных материалах Татищева. Из сохранившейся в Ленинградском отделении Архива АН СССР тетради, озаглавленной «Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов»³¹, и из других материалов явствует, что Татищев хотел составить словарь для перевода с русского на другие языки наиболее употребляемых и распространенных слов, с каковой целью им был составлен уже и словник.

Детальное изучение этих материалов показало, что Татищев в этой работе уделит внимание не только армянскому литературному языку, но даже и некоторым диалектам армянского языка, в частности, джюльфинскому диалекту, видимо, учитывая большую роль джюльфинских армянских купцов в русско-армянских торговых отношениях и наличие большого их числа в Астраханском крае, губернатором которого был Татищев. Изученный нами материал показывает многогранность и глубину интереса Татищева к армянскому языку.

В XVIII в. в России все более и более возрастал интерес к армянскому языку. В 1753 г. Коллегия иностранных дел дала указание принять на обучение восточным языкам 6 учеников, в том числе для обучения армянскому языку³². В 1788 г. в Главном народном училище в Астрахани было введено преподавание восточных языков, в том числе армянского, для русских учащихся³³. Представляет с этой точки зрения интерес и следующий факт: в XVIII в. в России стали поселяться переселенцы из Германии и других европейских стран. Одним из таких поселений было село Сарпинское на берегу Волги. Описывая это поселение, академик Лепехин, в числе прочего, пишет: «Но чтоб в незнаемой им стране со всеми иметь сообщество, то из отборного юношества разосланы в разные места для изучения нужных в сей стране языков, как-то российского, калмыцкого, армянского, персидского и татарского»³⁴.

²⁹ «Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым», ч. 1. СПб., 1793, стр. 52.

³⁰ П. Пекарский, Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог, беллетрист XVIII столетия («Современник», № VI (июнь) за 1858 г., стр. 475), «Перечень сочинений В. Н. Татищева и материалов для его биографии, собранных академиком А. А. Кунным» («Записки Императорской Академии Наук», т. 46, книжка I, СПб., 1883, стр. 86). Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 582 и др.

³¹ ЛОААН, ф. 95, оп. 5, ед. хр. 17 (копия).

³² Վ. Խաչատրյան, Տառնաթերթը դարձ Աստրախանի հայերի մշակութային կյանքի ցայտնիությունը («Պատմա-րանգագիտական հանդես», 1964, № 2, стр. 301).

³³ Там же.

³⁴ «Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году», стр. 443.

Весьма интересно, что опыт России по изучению восточных языков, и в том числе армянского, и, в частности, опыт использования знания языков для дела расширения торговли перенимали и другие европейские страны. Представляет в этом смысле большой интерес одно сообщение из Вены, помещенное в журнале «Зеркало света», в котором читаем: «Император взирая со удовольствием на распространение торговли нашей в Херсон и другие места в России повелел учредить при главном Венском училище два новые класса: один для языка российского и грузинского, а другой для армянского»³⁵.

В трудах русских историков и исследователей второй половины XVIII в., не занимавшихся специально армянским языком, также встречаются эпизодические, но весьма интересные факты и мысли, относящиеся к армянскому языку. Так, например, заслуживающие внимания высказывания об армянском языке и письменности имеются в трудах М. Д. Чулкова. Чулков занимался историей торговли и коммерции и его интерес к армянскому языку был вызван главным образом интересом к развитию торговли. Однако, как видно из трудов Чулкова, он был хорошо осведомлен об истории, культуре, языке и даже мифологии армянского народа. Армянскому языку Чулков отводил важное место, считая его одним из «главных языков» в Азии. Он писал: «Главные языки в Азии, арапской, татарской, китайской, японской, армянской, малабарской, гоцаратской, малакской»³⁶. Касаясь армянских книг, Чулков писал: «духовныя их книги от части письменныя, а отчасти печатаны в Венеции»³⁷. Чулков высоко оценивал знание многих языков армянами и считал, что было бы полезно использовать их и как переводчиков в интересах расширения торговли на Востоке. Он рекомендовал «приискать таких людей между армянами в Москве или в Астрахани»³⁸.

Интересные высказывания об армянском языке имеются в сочинениях И. И. Георги. Касаясь армянского языка, он пишет: «Армяны называют сами себя гаи. Наименование же армян, имеют они от своей отчизны... Армяны говорят языком собственным своим и пишут на оном, совсем особливими буквами. Язык их не имеет ни чего общего с прочими восточными языками, кроме образа выражения»³⁹.

Большую работу по изучению русских летописей и других первоисточников и, в частности, по изучению имеющихся в них материалов по русско-армянским отношениям проделал известный русский историк, писатель и публицист Н. М. Карамзин. Он же, одним из первых в русской исторической науке, ввел в обращение армянские исторические

³⁵ «Зеркало света», № 12 от 24-го апреля 1786 года.

³⁶ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. 1, кн. 1, СПб., 1781, стр. 2.

³⁷ Там же, т. 2, кн. 2, М., 1785, стр. 535.

³⁸ Там же, т. 2, кн. 1, пол. 2-ая, СПб., 1786, стр. 597.

³⁹ И. И. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей», ч. 4-ая, СПб., 1799, стр. 46—47.

источники. Эта работа Карамзина нашла свое отражение в его капитальном многотомном труде — «История Государства Российского». Карамзин, как и другие русские историки, обратил внимание на армянские надписи, найденные в развалинах города Булгар. «В развалинах города Болгарского, — писал он, — в 90 верстах от Казани и в 9 от Волги, нашлись армянские надписи XII века: вероятно, что армяне, издавна славные купечеством, выменивали там русские меха и кожи на товары персидские и другие»⁴⁰. Интересно, что Карамзин в этом труде дает читателю сведения об армянском летосчислении⁴¹, по отдельным поводам обращается к армянскому языку, например, в связи с разъяснением имени византийского императора Иоанна Цимисхия, указывает, что «Цимисхий — имя прилагательное, взятое из языка арменского»⁴².

Впервые в русской исторической литературе, указывая на то, что Мовсес Хоренаци первым в мировой историографии упоминает славян, Карамзин, говоря о происхождении слова «славяне», пишет: «Византийские историки писали всегда склавины, Готфский Иорнанд также, а Моисей Хоренский, сочинитель Армянской истории, скалаваци»⁴³.

С точки зрения истории изучения армянского языка в России представляет особый интерес ряд языковых словарей, вышедших в России в конце XVIII в. В этот период силами русских ученых стали создаваться очень интересные капитальные словари — «сравнительные словари всех языков и наречий»⁴⁴.

Изданию подобных словарей предшествовала большая работа. Часть языкового материала была собрана учеными, часть было поручено русским губернаторам собрать на местах, а также были получены материалы от русских дипломатов за границей и от иностранных ученых. В общей сложности в этом словаре представлено 200 языков.

Из «Предисловия»⁴⁵ к словарю можно прийти к заключению, что появление этих трудов было отнюдь не случайностью. Необходимость этих словарей в «Предисловии» объясняется тем, что «между известными в истории государствами нет ни единого на свете, которое бы, как по величине своей и пространству, так и по различию обитающих в нем народов и языков, могло хотя некоторым образом сравниться с Российской Империей» и что именно поэтому «ни от какого следовательно государства нельзя столько надеяться пособий и объяснений для истории народов и знания языков, как от России».

В предисловии также указывается, что в России «не считая мало разнствующия между собою наречия, говорят более нежели шестьюде-

⁴⁰ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. 3, стр. 202.

⁴¹ Там же, стр. 523, прим. 239.

⁴² Там же, т. 1, стр. 437, прим. 401.

⁴³ Там же, стр. 277, прим. 42.

⁴⁴ «Сравнительные словари всех языков и наречий...», СПб., ч. 1-я, 1787, ч. 2-я, 1789.

⁴⁵ Автором предисловия является академик П. С. Паллас, сыгравший важную роль в составлении этих словарей.

сятью языками, из коих многие, наипаче в Кавказе и Сибирн, ученым поныне еще вовсе неизвестны. Следовательно с сей токмо стороны уже можно видеть всю важность такового предприятия».

Указанные словари доныне не были предметом внимания ученых, изучающих историю русско-армянских культурных связей, и имеющийся в них материал, относящийся к армянскому языку, еще не исследован. Между тем в них уделено значительное место и армянскому языку.

«Предисловие» частично раскрывает перед нами как ход работы над армянским материалом, так и принципы составителей словаря в деле отбора армянских слов. «Таким же образом и в армянском языке,— читаем там,— случая по многим словарям, нашел я во многих словах отличия, наипаче если разбирать употребляемые в книгах слова и сравнивать с народными, кои, сверх того по разным местам с другими языками перемешавшись, часто весьма отличны». Как видим, составители словаря старались учесть специфику армянского языка, отличить «книжный язык» — грабар от разговорного народного языка, а также учесть диалекты армянского языка. Изучение армянских слов данного словаря показывает, что такой подход соблюдался и практически.

Структура этого словаря такова—дается сначала слово на русском языке, а затем его перевод на другие языки. Порядок слов на русском языке не алфавитный, а слова выделены по тематическим группам (родственники, предметы труда и т. д.). Иностранные слова, в том числе и армянские, записаны русскими буквами, на основе практической транскрипции и довольно точно. Всего в этом словаре переведено с русского на армянский 273 слова, но перевод русского слова на армянский передается не одним армянским словом, а целым рядом армянских синонимов этого слова, и часто одновременно на грабаре и на армянских диалектах. Нами подсчитано общее количество всех этих слов. Получается, что в словаре представлено 273 русских слова и в общей сложности более чем 700 армянских слов. Приведем некоторые примеры из словаря:

Бог — Энъ, Астуацъ, Аствацъ.

Брат — Егпанр, Ахберъ.

Муж — Мартъ, Аиръ.

Лицо — Эресъ, Керпарапъ.

Ресницы — Тертевик, Тартанъ, Тертевунк, Тевтерунк, Ардевуикъ.

Зуб — Агорикъ, Атамъ, Атамункъ, Керикъ.

Нога — Вотъ, Вотнъ, Воткъ.

Кость — Оскоръ, Воскеръ, Воскуръ.

Брак — Гарсаникъ, Псак, Амуснутюнъ.

Солнце — Арекакъ, Арекакнъ, Паилакъ, Арев.

Луч — Шохкъ, Чарракантъ, Шарравнтъ, Пайцар, Аршалуйс.

Буря — Мррикъ, Далга, Хогморунцъ, Алехоцутюн.

Молния — Паплакнъ, Воротумъ, Воротуман, Камщакъ.

Земля — Тапъ, Гуох, Еркиръ.

Глина — Кавъ, Цехъ, Кавеген, Такараноть.

Берег — Апынь, Езерь, Грагь-Чури, Крахь, Хезрь.

Чудо — Сканчеликь, Храшкь, Зармань.

Баран — Вочхарь, Охчар, Хои, Хашинг.

Война — Марть, Патеразм, Падеразмь.

Пашия — Варуцань, Тиг, Цанк, Арть.

Добро — Парвокь, Пари, Лавь.

В 1790—1791 гг. вышел в свет следующий аналогичный словарь⁴⁶. Это дополненное и переработанное издание предыдущего словаря. Структура этого словаря отличается от первого. Слова здесь расположены в алфавитном порядке (в соответствии с русским алфавитом), однако сначала дается слово на иностранном языке, а затем его перевод на русский язык. Приведем лишь один пример — «Авь — курица — по армянски».

Сравнение второго издания словаря с первым показывает, что его составители провели большую работу по армянскому материалу для второго издания. Армянский материал значительно вырос количественно. В этом словаре уже дано в переводе с армянского на русский язык 650 слов. Отобраны наиболее распространенные в разговорном языке слова и интересующийся мог бы на основе этого словарного фонда практически общаться с армянами.

В этом издании добавлено много новых армянских слов. Например, если русское слово «петель» в первом издании переводится на армянский словами: «Акагаг, Варцак, Борцак, Хорос», то во втором — добавлено еще армянское слово «Аклор». Заметно стремление к возможному уточнению значения слов. Например, слово «вохкуйз» переведено на русский язык словом «виноград», но тут же дается примечание, что подразумевается виноградная кисть. Наряду с чисто грабаровскими словами, как «нока», «ноца», в словаре приводится много простонародных слов, а также много слов из разных армянских диалектов.

Указанные словари представляют большой интерес с точки зрения изучения армянского языка в России. В них в определенном смысле подытожены накопившиеся к тому времени в русской языковедческой науке знания по армянскому языку. Они являются свидетельством большой работы, проделанной в XVIII в. в России по изучению армянского языка.

Резюмируя изложенное, мы имеем основание заключить, что в русских словарях XVI—XVIII вв. и в другой языковедческой литературе в общей сложности набрался большой фонд армянских слов, а также много сведений и мыслей, относящихся к армянскому языку. Естественно, что задачу комплексного, чисто лингвистического анализа этого материала мы оставляем филологам. Мы же рассматриваем этот вопрос в историческом разрезе, подходя к указанным фактам как к явлениям в истории культуры, которые дают все новые и новые свидетельства куль-

⁴⁶ «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный», ч. 1—4, СПб., 1790—1791.

турного общения русского и армянского народов. большого интереса русской гуманитарной науки к истории и языку армянского народа, а в целом вновь и вновь свидетельствуют о том, как на протяжении веков происходило не только экономическое, политическое, но и духовное сближение русского и армянского народов.

**ՌՈՒՍԱՍՏԱՆՈՒՄ ՀԱՅՈՑ ԼԵԶՎԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՄԱՆ
ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ (XVI—XVIII ԴԴ.)**

ՌՈՐԵՐՏ ԽԱՉԱՏՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Ռուս լեզվաբանական գրականության ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ Ռուսաստանում բավական վաղ ժամանակներից սկսած հետաքրքրություն է դրսևորվել հայոց լեզվի նկատմամբ: Արդեն XVI դ. Ռուսաստանում կազմված բառարաններում հանդիպում ենք հայկական բառերի, հայկական աշխարհագրական անունների ու անձնանունների: Հայոց լեզվի հետ կապված նյութերի հանդիպում ենք նաև XVII դ. ռուս ճանապարհորդների գրառումներում:

XVIII դ. սկզբում, Վոլգայի ափին, Բուլղար քաղաքից մնացած հուշարձանների մեջ, դպիր Անդրեյ Միխայլովը հայտնաբերում է հայկական տապանազրեր, որոնց վերժանման ուղղությամբ մեծ աշխատանք են կատարում XVIII դ. ռուս գիտնականները:

Ռուս ականավոր գիտնականներ Վ. Տատիշչևը, Մ. Չուլկովը, Պ. Պալլասը, Ն. Կարամզինը և ուրիշներ իրենց աշխատություններում բազմիցս անդրադարձել են հայոց լեզվի հետ կապված մի շարք հարցերի: XVIII դ. վերջում Ռուսաստանում լույս հն տեսնում մի շարք նոր բառարաններ, որոնցում նույնպես զգալի տեղ է հատկացված հայոց լեզվին: